

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АРХАИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Е.Л. Доценко (Тюмень)

Аннотация. Предлагается попытка вскрыть лежащие в основе межличностного общения процессы, благодаря которым древние пласты общественного опыта наследуются человеком. Показано, каким образом эти процессы актуально воспроизводятся в межличностном взаимодействии, как они обеспечивают постоянное оживление основных схем отношений.

Ключевые слова: сознание, генезис сознания, социальная идентификация и дифференциация, отношения, социальное наследование, архетипы.

Тысячи популярных изданий, начинающихся с «как...», и множество научных работ констатирующего характера указывают, что межличностное общение чаще осмысливается в описательных, поведенческих терминах. Эта традиция вступает в противоречие:

а) с повседневной феноменологией общения, пронизанной глубокими душевными переживаниями участников общения;

б) потребностями консультативной практики (требуется понимание, а не простые рекомендации по типу «делай так»);

в) теоретической традицией, принятой в отечественной психологии, тексты которой наполнены критическими высказываниями в адрес бихевиоризма.

Теоретическое «мелководье» ведет, во-первых, к тому, что у населения создается иллюзия, что достаточно повисить лишь операциональную оснащенность – и компетентность в общении обеспечена. Во-вторых, психологи, особенно начинающие, не имеют необходимого запаса (позитивного зазора) в своих представлениях об общении, отличающего их от клиента с его обыденными психологическими знаниями. В результате снижается эффективность консультативной работы. В-третьих, в психологическую практику приходят тренеры и консультанты, которым кажется, что как минимум в области межличностного общения они вполне способны работать как психологи. Этим дискредитируется идея психотехнического воздействия, по определению в большей степени направленного на внутренние преобразования, чем на прямую оптимизацию поведения.

Профессиональным психологам требуются теоретические представления, позволяющие ориентироваться в неявных процессах, определяющих выбор человеком той или иной линии поведения в общении. Нас интересуют, помимо внешне проявляемого поведения, и такие важные феномены, как нетерпимость, манипуляция, обман, а также любовь, дружба, верность. Да и они важны не как уже состоявшиеся события, а со стороны соответствующих установок (предготовнос-

тей), порождающих эти феномены. Например, манипулятивными установками являются те, что порождают стремление манипулировать (желание), делают манипуляцию приемлемой (разрешение, дозволение), обеспечивают технологическую возможность манипуляции (способность). Это смысловые установки «каждый – сам за себя», «все люди опасны», «никому доверять нельзя» и т.п. Целевые установки: стремление победить, сделать непременно по-своему, прибрать кого-либо к рукам и т.п. Операциональные установки: склонность хитрить, скрывать свои истинные намерения и т.п. И наоборот, готовность к верности предполагает такие смысловые установки, как «все люди братья», «только вместе мы сильны» и т.п.; целевые: «обещал – сделаю», готовность выслушать и поддержать; операциональные: умение понять, привычка к сочувствию и т.п.

Наша задача состоит в том, чтобы понять, откуда обозначенные установки черпают свою силу (энергию). Из теории нам известно, что такой силой обладают психические структуры, уходящие корнями в филогенетически или антропогенетически древние пласты человеческого опыта. У К. Юнга эти структуры названы архетипами, но автор не занимался вопросом объяснения того, каким образом они становятся достоянием современного человека, в особенности отдельного индивидуума. Большую часть усилий он потратил на то, чтобы доказать существование их как реальности. Мы попробуем хотя бы частично восполнить указанный пробел, эскизно обозначить возможные процессы, благодаря которым древние пласты общественного опыта наследуются ребенком, обеспечивая взрослым доступ к коллективному бессознательному. Чтобы понять, какого рода древние силы и связи (совокупно образующие психический механизм) «играют» в межличностном общении, обратимся к генезису общения в ходе развития человечества.

Сознание. Начнем с уточнения того, что будем понимать под сознанием как искусственной культур-

ной реальностью, создаваемой усилиями многих человеческих поколений. Словарные определения наподобие того, что сознание есть «высший уровень психического отражения и саморегуляции, присущий только человеку как общественно-историческому существу», не выдерживают критики. Утверждать «высший уровень» можно лишь с оговоркой «из известных нам», поскольку нельзя быть уверенным, что другие существа на Земле, а тем более во Вселенной обладают уровнем отражения не более нашего – логически это равносильно тому, чтобы считать Землю центром Вселенной. Утверждать, что сознание присуще только человеку, можно лишь выдавая желаемое за действительное, поскольку проверить это утверждение, опираясь на определение, нет никакой возможности. И самое главное – определение, в котором нет критериев, позволяющих идентифицировать наличие или отсутствие определяемого явления, не определение вовсе.

Долгое время представлялось достаточным определять сущность сознания через знаковую и орудийность как его наиболее важные признаки. Такой взгляд имеет почтенную традицию, начиная с Л.С. Выготского, и очень неплохо укладывается в общую логику развития отражения через возникновение опосредствования и его последующее инструментальное оснащение (знаки опосредуют когнитивную активность, а орудия – преобразующую). Достоинство указанных критериев и в том, что они позволяют идентифицировать наличие сознания: некие существа можно считать обладателями сознания, если они используют знаки и употребляют орудия. Вместе с тем чего-то еще недостает для того, чтобы определение воспринималось соотносимым с интуитивным представлением о сознании и содержащим ощущение жизненной правды (критерии истинности кажутся несколько неожиданными, но в герменевтической парадигме они имеют свое удовлетворительное обоснование).

Важные идеи были заимствованы нами из сравнительно недавних работ А.М. Лобок и В.М. Аллахвердова. Первый на антропологическом материале, а второй на материале психологических исследований познавательных процессов пришли, в сущности, к общей идее. Состоит она в том, что сознание «творит произвол».

Так, В.М. Аллахвердов [1] на большом экспериментальном материале, полученном разными исследователями в разное время, показал, что психика (и сознание в том числе) склонна выдвигать в качестве гипотез (перцептивных или иных) первое приемлемое для данной ситуации содержание, порой случайно выбранное. Важно то, что раз принятое, такое содержание используется так, будто оно полностью справедливо. Более того, оно имеет тенденцию не изменяться и без резких отклонений от принятого

эталона всячески защищается от подозрений в неистинности. Данный механизм длительного неразличения отклонений от гипотезы создает условия для формирования категорий – структурных элементов образа мира. Слишком неадекватные среде обитания категории отражения вели к жизненным затруднениям и ошибкам, постепенно выбраковывались или за счет прижизненной пластичности, или за счет гибели существ. Поэтому сколь бы ни неожиданны были спонтанные (индивидуальные, ситуативные) обобщения, механизм жизненной верификации позволяет вносить необходимые корректировки.

Для категориальных структур (психика и сознание), как показывают современные психосемантические исследования, характерны многоуровневость, наличие ядерных (генетически наиболее древних) структур, противоречивость, способность к ситуативным перестройкам.

А.М. Лобок [2], в свою очередь, показал, что сознание как антропологическое новообразование возникает в момент создания мифа, выступающего средством объяснения мироздания или какой-то его части. При этом неважно, насколько истинным является такое объяснение – для возникновения сознания достаточно самого этого факта.

Следовательно, сущность сознания состоит в создании такой (субъективной) реальности, которая семантически дублирует реальность основную (наивную, первичную, физическую). Средствами ее создания выступают знаки и орудия. Созданный искусственный мир не обязан точно отражать внешний мир, у него другие задачи. Главная – возвыситься над чувственным миром, дать ему объяснение, принести понимание, указать пути преобразования. Субъективное переживание понимания-усмотрения дает ощущение могущества (я могу) – в самом моменте создания сознания уже заложена амбиция быть *Творцом* мира (точнее, семантической его копией, т.е. созданной в символическом плане).

Несколько утрируя, можно дать следующее определение: сознание – это *искусственно (культурой) изготовленная с помощью знаков и орудий иллюзия, которой придается статус реальности*. Основным орудием (душевым инструментом), с помощью которого производится порождение новой семантической реальности, является *вера* – произвольное полагание (утверждение) некой идеи как безусловно верной, принимаемой не только без доказательств, но и без необходимости таковые иметь.

Наиболее существенными можно считать следующие характеристики сознания:

1. Необходимым условием и основным вектором активности сознания является прерывание естественного течения психических процессов – мотивации, инстинктивного побуждения, шаблонного поведе-

ния. Этим обеспечивается возможность внедрения искусственных (культурных) шаблонов. Так, люди научились намеренно активизировать (постепенно изменив их по сущности) такие побуждения, как сексуальное влечение, аппетит, агрессия, страх, а также использовать искусственные приемы управления их протеканием – ритуалы и правила. С помощью ритуалов же и правил люди научились и подавлять эти побуждения. Цена этих достижений – замедление процессов сознания по сравнению с протеканием досознательных (и бессознательных) психических процессов. Именно на эту особенность сознания и указывает В.М. Аллахвердов: сознание обладает худшей продуктивностью, чем мозг (психика). Происходит примерно то же, что мы видим в экспериментах на животных: в искусственно созданных условиях их поведение становится неадекватным. Правда, если доучить животное, то его поведение может оказаться даже полезным – но для человека, а не для жизни в естественных условиях.

2. Сознание возникает как инструмент порождения артефактов – искусственных образований, порой, кажется, мало адекватных свойствам окружающей среды. Но в том и тонкость, что сознание призвано обеспечить выявление и использование неявных, неочевидных закономерностей – тех, что находятся за пределами чувственного восприятия. А то, что не воспринимается органами чувств, но все же принимается за истину, уместно назвать иллюзией. Но это иллюзии, которые способны проявить действительную силу в ходе своего использования – и только при условии своего использования. Или же не проявить эту силу, если окажется, что предмет приложения активности не содержит той зависимости, которая была заложена в сознательно принятой идее, вызвавшей данную активность. Когда же некое представление действительно дает ожидаемый от него эффект (изменение психического состояния, преобразование действительности...), исходное представление может стать истинным знанием, оставаясь мифом по происхождению.

Поскольку многие идеи (например, мифы об устройстве мира) не предполагали проверки в принципе, а лишь порождали культурную реальность, они становились верными в той мере, в какой получали систематическую (порой тотальную) поддержку в виде культивируемых ритуалов и правил. Так, иллюзия утверждалась как новая искусственная реальность («мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»). Говоря метафорически, культура возникает как результат культивации досознательной психики (естественной «целинной почвы») и развивается затем благодаря культивации уже освоенной (обработанной, окультуренной) психики – сознания («вспаханной и удобренной почвы»).

3. Для сознания характерно использование средств, позволяющих прерывать естественное протекание процессов и навязывать искусственное (произвольное) в угоду принятой иллюзии. Такими средствами являются: а) *знаки* – искусственно созданные (условные) средства указания на некий фрагмент совместного жизненного мира сообщества людей; б) *орудия* – искусственно созданные (имеющие собственную логику, не совпадающую с логикой органов тела) средства преобразования фрагментов совместного для некоего сообщества людей жизненного мира. При этом сознание не отменяет естественного хода психических процессов (натуральный ряд по Л.С. Выготскому), а лишь надстраивает над ним искусственные образования, которые в своей многосложности и относительной целостности и образуют особенную знаково-орудийную реальность. Эта реальность существует по законам, которые соответствуют естественным закономерностям лишь в той части, которая касается действия в физическом мире (вынуждена соответствовать). Все остальные миры (сферы) – психические, духовные – в значительной степени формируются в соответствии с представлениями, конвенционально принятыми в том или ином сообществе.

4. Сознание тотально коммуникативно, диалогично по своей природе (точнее, по выращиваемой культуре). Как активизация побуждений, так и их торможение генетически межличностны, т.е. изначально складываются или усваиваются благодаря взаимодействию с кем-то другим. Происходит это, как правило, в рамках совместного ритуала (исполняемого или большим коллективом, или в диаде). Порождаемые артефакты всегда предполагают наличие того, кто будет ими пользоваться, равно как и того, кто учит тому, как эти артефакты воспроизводить. Любой знак является таковым лишь при условии, что есть кто-то, кто способен его понять, а любое использование знака предполагает своего адресата – того, для кого производится указание на предмет совместной реальности.

Важно подчеркнуть, что в межличностном общении знаки и орудия совпадают: любое сообщение (момент коммуникации) оказывается не только знаком, но одновременно и средством воздействия на своего адресата, т.е. коммуникативным орудием. Создаваемая с помощью знаков-орудий реальность всегда оказывается артефактной, поскольку опирается на разделяемые верования, известные знания, протекает в соответствии с принятыми правилами и разработанными процедурами. И по существу иллюзорной, поскольку предписания в отношении межличностных отношений полны надприродных условностей, призванных обслуживать лишь самих себя.

Генезис сознания. Несколько штрихов о генезисе сознания позволят вплотную приблизиться к пониманию архаических корней общения.

Вероятно, филогенетически первой формой существования пра-мифов явились ритуалы, имитирующие поведение животных: тех ли, на которых предстояла охота, или тех, чьи охотничьи повадки воспроизводились. Например, известно, что первобытные люди принимали участие в загонной охоте волков в роли загонщиков, довольствуясь остатками пищи после пиршества хищников. Волчья технология осваивалась непосредственно в самой охоте. Шагом к возникновению сознания стали попытки воспроизвести процедуру самостоятельно. Это принципиально разные вещи: загонная охота у волков и у первобытных людей. Для первых это естественно сложившаяся последовательность скоординированных действий, для людей же она оказывается искусственной (заимствованной), следовательно, может выполняться с изменениями (отклонениями). Заимствованная технология требовала отработки и усовершенствования, поэтому возникла процедура, призванная повысить вероятность успеха в охоте. Для них она была магическим ритуалом – средством оказания воздействия на реальность при отсутствии еще понимания того, как это влияние происходит. В технологическом аспекте ритуал представлял собой уже тренировку, а вместе с когнитивным и мотивационным аспектами знаменовал момент возникновения сознания.

В ритуалах обнаруживается несколько важных характеристик. Во-первых, это *уподобление* животному, т.е. семантическое дублирование его поведения и способа ориентировки в жизненном пространстве. Во-вторых, это коллективный характер действия, когда *все понимали значение* (знаковую, семантическую отнесенность) производимых действий. В-третьих, это магическое *стремление повлиять* на чувственно воспринимаемую реальность посредством манипуляций в только что созданной (или открытой?) информационно-смысловой реальности, которую, собственно, уже можно квалифицировать как сознание (или, по крайней мере, как прото-сознание). И в-четвертых, изначально все складывалось как *метафора* – смена формы при сохранении смысловых инвариантов, описание одного на языке другого (например, «описание» охотничьей стратегии волков на языке человеческих движений, что справедливо и для других видов заимствования). В этом перечне характеристик усматриваются все основные признаки сознания.

Важно отметить наличие длительного периода перехода к полноценному (full time) сознанию, который мог продолжаться многие тысячелетия. Так, пока участники ритуального события находятся внутри совместного действия, они обладают этим сознанием, в буквальном смысле владеют, управляют им. Когда же совместное событие завершается, сознание, пока еще грубо коллективное и существующее исключительно в форме ритуала, уходит, дезак-

туализируется – люди буквально выходят из сознательного состояния.

Возвращение в ритуал возвращает и состояние о-сознанности. Кажется возможным представить переживания первобытного человека в момент смены его состояний при переходе от буквально бес-сознательного в сознательное. Вероятно, это переживания, близкие к удивлению, воодушевлению, трепету. Сознательное состояние было близко к тому, что мы сейчас понимаем под экстазом, трансом и т.п., – в этом смысле оно не было рациональным, но уже и не бессознательным. Это состояние могло восприниматься буквально как про-светление, как прорыв в новое измерение.

В той мере, в которой находились адекватные *средства* изображения (обозначения) предметов и явлений мира, круг о-сознанности постепенно расширялся. Со временем он достиг уровня, когда люди находились в сознательном состоянии уже все время, кроме сна. Знаковому кодированию постепенно подвергалось все, что в той или иной мере попадало в деятельностное поле человеческих сообществ. Процессы категоризации, полученные сознанием в наследство от психики, стали использоваться для обобщений все более высокого уровня абстракции, таких, например, как, «дерево», «ходить», «правильно» и т.п.

Социальная идентификация и дифференциация. Важным моментом перехода к культурным отношениям стало введение различительных социальных признаков – рисунка на лице, характера одежды и прочее. Особенно это справедливо по отношению к появлению имени. Имя являет собой очень характерное для людей изобретение, позволившее радикальным образом отсечь сознание от дочеловеческих форм психики. Суть его в том, чтобы использовать уникальный семантический (знаковый + чувственный) код, искусственно приписанный к тому или иному объекту реальности. Имя – это специфическое использование знаков, позволяющее различать социальные группы («раз-личать» как раз и означает дифференцировать лица). Имя и лицо всегда дополняли друг друга – аудиальный и визуальный коды обозначали одно и то же.

Постепенно в рамках искусственно созданной знаковой (семантической) реальности складывалась категория, в которую входили все живые существа, с которыми устанавливались отношения, – местоимение «они» во всех языках появляется раньше других. Поскольку отношения носили двусторонний, ритуально симметричный характер, то постепенно выделялся тот инвариант, который «те», «они», в свою очередь, тоже обозначали как «они». Эта категория была со временем обозначена понятием «мы».

Вокруг каждого указателя на ту или иную общность людей (имени и лица) собиралось или образо-

вывалось значительное количество мифологических описаний и легенд. **Мифы** (утверждения, основанные на вере или допущении) позволяли характеризовать данную общность людей – дать установочный прогноз о том, что можно ожидать от них, а также объяснение, почему они ведут себя данным образом. Тотемические представления часто представлялись наиболее понятными, поскольку опирались на прототипное действие – уподобление некоему животному, копированию его жизненного стиля и образа жизни. **Легенды** же (поясняющие и назидательные повествования, основанные на реальных событиях) выступали иллюстрацией и доказательством справедливости мифов. Так создавались описания характера человеческой общности.

В условиях постоянной борьбы между сообществами описания этих сообществ также содержали признаки борьбы: себя авторы описаний характеризовали всегда лучше, чем других. Противопоставление явилось культурным средством ведения межгрупповой (межсубъектной) борьбы. Эти средства использовались для объяснения агрессивных установок и намерений, привлекались для мобилизации физических и душевных усилий людей, направлялись на координацию этих усилий и т.п.

В условиях межгрупповой борьбы складывалось и операциональное оснащение межсубъектного взаимодействия. При этом культурное развитие получили заимствованные у животных средства ведения борьбы: нападения и защиты, уловки и хитрости. Постепенно усовершенствование и развитие средств уничтожения друг друга поставило под угрозу существование не только целых народов и сообществ, но и человека как вид. Эволюционные законы сработали и в знаково-орудийной реальности – люди нашли средства бескровного ведения борьбы: переговоры, состязания, споры, совместное принятие решений, договоры и т.п. Использовались они сначала как дополнение к жестким, но постепенно получили и самостоятельное применение. Заметно позже появились идеи, ориентирующие на достижение таких выигрышей, когда проигравших не существует. Но в массовую практику они начали внедряться совсем недавно (может быть, всего несколько десятилетий) и до сих пор еще не оказывают решающего влияния на повседневную практику.

Отношения. Антропологические данные свидетельствуют, что наиболее архаическая форма отношений между людьми состояла в том, чтобы носить друг другу дары (в слове «отношения» содержится изначальный глагольный корень). Причем отношения были буквально межличностными, т.е. складывались лишь между теми, у кого лица различались. Отношений не было между теми, чьи лица имели одинаковый рисунок. Позже, когда в племени начали выделяться от-

дельные роли, получившие свои социальные приметы, отношения стали складываться и между соплеменниками. В той мере, в которой люди стали различаться (именем и культурным лицом), возникла индивидуализация людей уже как культурное явление, а индивидуальные отличия приобрели статус знаковой реальности. Постепенно в культурно организованные (знаково-орудийные) межличностные отношения были вовлечены все люди.

Редко отмечаемой особенностью отношений выступает их сопряженный характер, терминологически удачно обозначенный Э. Эриксоном [3. С. 579–582] через понятие разделенной или общей функции. Действительно, все отношения людей предполагают наличие комплементарных позиций, сопряженных на одной функции: агрессор – жертва, мать – дитя, начальник – подчиненный, руководитель – подчиненный и т.д., что дает нам возможность обозначить механизм тотального социального наследования. Как было показано, возникновение и развитие сознания всегда было включено в межсубъектное взаимодействие, и без такового было бы невозможным. Кроме того, содержание культуры неизбежно многократно включается в деятельность того или иного субъекта общественных отношений (группы или индивида), проявляя свою сущность в межсубъектном взаимодействии. Даже материальные артефакты, в которых в свернутом виде заложены орудийные операции, не могут вскрыть свое содержание без активности со стороны того или иного субъекта общественных отношений: с кем-то, для кого-то, во имя чего-то, связанного с человеком или группой. Соответственно, культурная регламентация в первую очередь касалась межсубъектного общения: способов установления, поддержания и прерывания контактов, сценариев и средств взаимодействия, норм и правил отношений. Следовательно, общение оказалось и содержанием, и носителем (транслятором) культуры, поскольку в нем в явном или свернутом виде содержатся все общественные регуляторы, через общение реализуется вся регламентация общественной жизни. Поэтому не будет преувеличением сказать, что *межличностное общение является субстратом сознания*.

Соответственно, человеческое общение обладает свойствами высших психических функций (характеристик сознания).

1. В основу человеческого общения ложатся процессы межсубъектного взаимодействия, заимствованные у животных, которые в окультуренной форме теряют свой естественный характер. Так, природная схема стимул – реакция многократно прерывается и видоизменяется. Стимульная ситуация сильно усложняется, большинство стимулов становятся культурными артефактами, многие из которых специально

создаются для того, чтобы регламентировать общение. На уровне промежуточных переменных появляется (вклинивается, культивируется) множество новых когнитивных схем, мотивационных структур, поведенческих установок. В поведении появляются новые действия и операции (уже орудийные), ранее не существовавшие умения и т.п.

2. Платой за окультуренное общение и усложнение общественной жизни выступают сбои и ошибки в общении – очень частое явление в повседневной жизни. Но в еще большей степени искусственность общения проявляется в напряжении (энергетическом, мотивационном, умственном, ценностном, моральном и т.п.), которое сопровождает межличностное общение. Разные виды напряжения в общении отражены в художественных артефактах (от ранних мифов и легенд до современной художественной литературы), в содержании жалоб со стороны клиентов психологов и психотерапевтов, характере выявляемых в консультативной работе личностных и коммуникативных сбоев.

3. Человеческое общение в очень сильной степени иллюзорно и искусственно. Такие феномены, как стыд, ориентация на мнение окружающих, месть, сочувствие и многие другие, очевидно условны и артефактны. Некоторые из них с трудом могут быть описаны в терминах природной целесообразности, например хождение в гости, бесцельные разговоры на лестничной площадке или за кухонным столом (у камина, на террасе...), сплетни и т.п. Но, будучи искусственно изготовленной иллюзией, они существуют и активно поддерживаются людьми ради сохранения сложившихся норм взаимодействия и отношений. Эти последние, в свою очередь, призваны поддерживать положенные в основу общения мифы, наполнять их общественным значением и индивидуальными смыслами.

Каждый вид отношений – это комплексная фигура сознания, включающая в себя:

а) когнитивную характеристику данного типа отношений – описание типичной ситуации, провоцирующей этот вид отношений, обозначающие его вербальные ярлыки (названия), рациональные аргументы в пользу, набор стереотипных мнений, в соответствии с которыми данные отношения формируются и развиваются, регулирующие их правила и т.п.;

б) мотивационное обеспечение отношения – набор потребностей, релевантных данному отношению, регулирующие его ценности, распространяющиеся на них принципы и т.п.;

в) набор осуществляющих данные отношения операций – последовательность ходов, которыми обмениваются участвующие стороны, привносимые

в общение привычки, реализуемые поведенческие установки и т.п.

Каждый эпизод общения может быть описан как реализация участниками одного из тех сценариев, которые считаются приемлемыми для данной наличной ситуации. При этом срабатывает важная закономерность, уходящая корнями в филогенез, направленная на взаимную подстройку участников общения под разделенную функцию. Так, нападение (с позиции агрессора) вызывает очень ограниченный набор сценариев взаимодействия: бегство (с позиции жертвы), ответное нападение (с позиции агрессора, чтобы превратить агрессора в жертву) или защиту (с позиции агрессора или жертвы, в зависимости от используемых средств). У животных выбор сценария регулируется оценкой ситуации по нескольким параметрам, главный из которых – соотношение сил. У людей заметно расширяется набор доступных видов силы (интеллект, статус, закон, договор, свидетели и т.п.) и средств ведения борьбы или организации защиты, усложняются возможности управления ситуацией, но выбор сценариев все равно остается ограниченным. Архаические сценарии поведения в конфликтной ситуации, основанные на силовой борьбе, остаются наиболее предпочитаемыми даже испытываемыми с высоким образовательным уровнем. Выбрать принципиально иной сценарий (не борьба, не защита, не бегство...) способны лишь немногие из людей.

То же самое обнаруживает другой вид отношений – помощь, покровительство, поддержка. На инициативу помочь в каком-либо деле, при прочих равных условиях, набор ответов также оказывается ограниченным: принять или отвергнуть. Разнообразие реальных исходов определяется степенью принятия помощи или отказа от нее, а также дополнительными параметрами отношений: принять/отвергнуть с благодарностью или без нее, с объяснением своего поведения или без такового, с радостью или сожалением (в зависимости от сочетания актуализированных потребностей).

Следовательно, отношения складываются в результате неявного договора между участниками о том, какой сценарий они предпочли, опираясь на особенности ситуации, действия партнера и собственные интересы, возможности и привычки.

Социальное наследование. Здесь мы подходим к моменту, когда способны (пусть и приблизительно) понять, каким образом в повседневном межличностном общении оказывается представленным весь опыт человечества, накопленный в ходе антропогенеза.

Основной механизм¹, благодаря которому происходит социальное наследование от поколения к поколению, от эпохи к эпохе, состоит в систематическом

¹ Под механизмом в данном случае будем понимать психические процессы, преобразующие энергию действия одних людей в энергию действия других людей.

воспроизводстве разделенных социальных функций. Каждая ситуация взаимодействия, реализующая те или иные отношения, есть одновременно воспроизводство комплементарной пары двух позиций (агрессор – жертва, покровитель – подопечный и т.п.), двух половин единого сценария (нападение – бегство, помощь – благодарность и т.п.). Соответственно, воспроизводятся и когнитивные компоненты данного вида отношений, и поведенческие и мотивационные.

Каждый ребенок многократно оказывается первый раз в семантическом пространстве какой-нибудь разделенной функции. Скажем, он нарушил какие-то еще не известные ему социальные предписания (например, что-то «неправильное» сделал в гостях), за что получил от родителя жесткое одергивание. Ребенок может *истолковать* это как наказание, как нападение или как отторжение, отреагировав, соответственно, послушанием, защитной агрессией или подавленностью. Вероятнее всего, родителю необходимо, чтобы ребенок понял, как надо себя вести, а вместо этого тот агрессивно замахнулся ручкой. Если родителю безразлично, то он внесет необходимую поправку в толкование ребенка: коротко объяснит, что от него ожидают, успокоит, возможно, приласкает – и зафиксирует в своих отношениях разделенную функцию «обучение поведению». Иной родитель может ответить агрессивным пресечением агрессии ребенка – и закрепить разделенную функцию «агрессивное противоборство». А можно даже не заметить или отмахнуться – и оставить ребенка в состоянии дезориентации относительно социальных правил.

Таким образом, множество социальных ситуаций окружающие наполняют провокациями или побуждениями к тому или иному виду отношений. Ребенок же, в меру своих возможностей, истолковывает их поведение и отвечает тем сценарным продолжением, которое актуализировалось в результате этого толкования. Взрослый, в свою очередь, вносит свои поправки или уточнения в интерпретацию, фактически заключая (или навязывая) имплицитный договор с ребенком о том, какого рода отношения между ними складываются. В результате участия во множестве ситуаций ребенок постепенно усваивает практически все многообразие сценариев межличностного взаимодействия, объединенных в категории, каждая из которых содержит прототип этого взаимодействия. Этот прототип мало зависит от изменчивых особенностей конкретных ситуаций, а представляет собой архетипическую схему взаимодействия двух архетипических фигур: Агрессор – Жертва, Учитель – Ученик, Покровитель – Подопечный и т.п. Через эти инвариантные схемы и фигуры каждый человек на Земле оказывается вовлеченным в постоянный диалог (в процесс взаимодействия) со всем Человечеством, включая все предшествующие поколения.

Смысловая архитектура общения. Таким образом, в каждом эпизоде взаимодействия, в каждом моменте реализации тех или иных отношений происходит актуализация релевантных наличной ситуации имплицитных схем, значительную часть которых составляют архетипы – схемы с наиболее глубокой предысторией (вплоть до филогенетических корней). Часть схем очень глубоки, часть имеют более позднее происхождение, а некоторые из них еще даже не стали традицией. Следовательно, в общении находят воплощение (актуализацию) все стадии антропогенеза – в виде шаблонов и схем разной степени универсальности и глубины генеза.

Условное измерение глубины можно задать так, будто более ранние по происхождению схемы находятся глубже, а более «молодые» – ближе к поверхности. Вероятно, более поверхностные структуры (надстроечные) более доступны для осознания, тогда как глубокие «сопротивляются» осознанию, поскольку складывались в «дознаковые» времена, следовательно, с трудом поддаются вербализации. Промежуточное положение занимают те структуры, которые поддаются обозначению с помощью приемов «по аналогии», «наподобие» и т.п., т.е. те, что складывались на ранних этапах антропогенеза (уже знаковых, но еще не вербальных). Эти структуры могут быть осознаны в виде образов и по сути являются метафорами. Указанные свойства глубинных структур психики делают понятной ту важную роль в терапевтической работе, которую играют метафоры. Появляется также дополнительное понимание механизмов влияния на психику человека искусства, в значительной степени также выстроенного на метафорах.

В результате формируется послойная структура, каждый слой которой можно соотнести с тем временем (историческим или доисторическим), когда он был сформирован в процессе антропогенеза. Соответственно, чем более ранней по времени формирования является структура, тем большую глубину сознания она составляет. Можно выделить следующие крупные периоды (эпохи) в развитии человечества: первобытность, архаика, античность, средневековье, новое время, современность, так или иначе представленные у разных народов в разных частях света. Соответственно, анализ смысловых структур также может быть выполнен с опорой на указанное членение. Такая работа способна дать богатый материал для анализа смысловых источников, детерминирующих поведение того или иного человека.

Выводы. Таким образом, вся культура человечества оказывается представленной в отношениях, и в первую очередь в отношениях. Разворачивается же она во взаимодействии, раскрываясь в содержании используемых перцептивных категорий (критерии

социальной идентификации и дифференциации), в заложенных в общении значениях и т.п. Неявно для осознания это содержание насыщено мифами, включает моменты обмена смысловыми вкладами. Через процессы общения глубинное содержание сознания передается новым членам, причем сразу во всем сво-

ем антропогенетическом объеме. Вся предыстория человечества ждет своего оживления (анимации) в каждый момент общения, а оживает благодаря активности партнеров по общению. Описанные процессы обеспечивают имплицитную передачу архетипов от поколения к поколению.

Литература

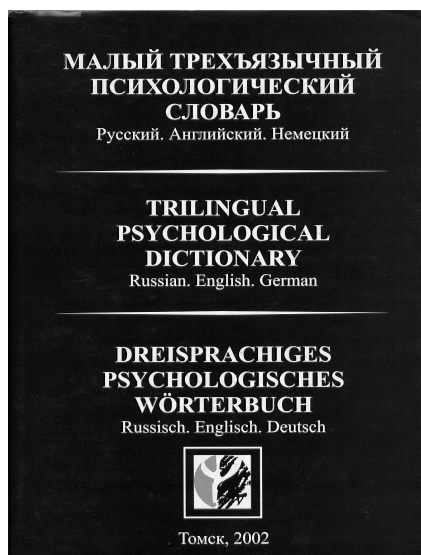
1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000. 528 с.
2. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
3. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

ARCHAICAL SEMANTIC IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

E.L. Dotsenko (Tumen)

Summary. The attempt to reveal the basic for interpersonal communication processes thanks to which a person accept the ancient human experience is proposed. Under discussion are the possible ways of their actualization in the process of interpersonal interaction and the ways of permanent basic relationships schemata animation.

Key words: conscience, conscience genesis, social identification and differentiation, relationships, archetypes.

Малый трехязычный психологический словарь: русский, английский, немецкий / Сост. Г.В. Залевский, Е.И. Залевская, В.Г. Залевский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 380 с.

ISBN 5-7511-1492-2

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех тех, кто так или иначе связан с чтением и переводом психологической литературы.